

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КИТАЯ:
К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ**

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор

Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

357500, Российская Федерация, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56

E-mail: pragpu@mail.ru

Корниенко Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент

Филиал Кубанского государственного университета в г. Армавире

352900, Российская Федерация, г. Армавир, ул. Комсомольская, 126

E-mail: kornienkota@yandex.ru

Модернизация является национальной задачей Китая в XXI в. и осуществляется в рамках политических и социально-экономических преобразований. Авторы акцентируют внимание на особенностях китайской модели модернизации в политической сфере, где постоянно происходит постепенная демократизация как самой внутрипартийной жизни, так и представительных органов власти и механизмов административного управления. Отмечается, что в условиях Китая модернизация практически невозможна без масштабной опоры на традиционные системы этических, духовно-интеллектуальных ценностей.

Ключевые слова: политическая модернизация, незападный политический процесс, традиции, национальная модель модернизации, ограниченный плюрализм

**POLITICAL MODERNIZATION OF CHINA:
TO THE QUESTION ABOUT SPECIFIC OF NATIONAL MODEL**

Vautumyan Arushan A., D.Sc. (Political), Professor

Institute of service, tourism and design (Branch) North Caucasian Federal University

40 years of October st., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation

E-mail: pragpu@mail.ru

Kornienko Tatyana A., Ph.D. (History), Associate Professor

Branch of the Kuban State University in Armavir

126 Komsomolskay st., Armavir, 352900, Russian Federation

E-mail: kornienkota@yandex.ru

Modernization is a national challenge China in the XXI century and carried out within the political and socio-economic transformation. The author pays special attention on the peculiarities of the Chinese model of modernization in the political sphere, where always there is a gradual democratization of both the inner-life and representative bodies and administrative mechanisms. It is noted that in the context of China's modernization is almost impossible without a large-scale reliance on traditional systems of ethical, spiritual and intellectual values.

Keywords: political modernization, non-Western political process, traditions, national model of modernization, the limited pluralism

Проводя сравнительные исследования незападных политик, следует отметить политическую практику модернизационных процессов государств Восточной Азии.

Восточная Азия – один из регионов Востока, обладающий ярким культурным своеобразием, собственными традициями государственности и длительной историей. Позитивный национальный опыт таких государств, как Китай, Тайвань, Япония, Республика Корея, способствовал формированию национальных моделей модернизации, в том числе и в политической сфере.

В процессе модернизации был осуществлен синтез традиционного, национального и современного. Это не только конфуцианская трудовая этика и менеджмент, но и обусловленные ими самые высокие в мире нормы сбережений и накопления, и тесно связанные с этим темпы роста (как «конфуцианский капитализм» в Японии, Корее и на Тайване, так и «конфуцианский социализм» в Китае), где традиционные ценности постепенно восстанавливают утраченные позиции, а само конфуцианство из «несущественного» дополнения формационной принадлежности все отчетливее превращается в интегральную характеристику цивилизационного ядра) [15].

Общим цивилизационным «кредо», обуславливающим внутривнутриполитический курс социально-экономических и политических преобразования в государствах Восточной и Юго-Восточной Азии, стало создание конкурентных социально-экономических преимуществ и повышения уровня благосостояния для населения, обеспечения выживания и прогресса нации. Так, например, в качестве первоочередной задачи модернизации малазийский политический лидер Махатхир видел не транзит демократических институтов, а изменение социально-культурных ценностей и

установок малайцев посредством коренного перевоспитания малайской общины с целью внедрения, вживления её, всё ещё не избавившейся от патриархальщины, феодальной системы ценностей, поведенческих стереотипов [13, с. 52]. Махатхир первым открыто сказал о диаметральной противоположности иерархии ценностей Востока и Запада: «Мы долго устремляли взор на Запад, но больше не считаем его подходящей для нас моделью» [6].

Процессы в странах Восточной Азии развиваются по сценарию незападной (азиатской) глобализации, сутью которого выступает возобладание предмодернизационного деревенского стиля жизни над западным стилем или стилем других форм современности [17, с. 66].

Модернизационный процесс в обозначенном регионе был более быстрым, чем например в Европе. Его можно охарактеризовать как «сжатый» или «сгущенный», поскольку он имел место в относительно короткий промежуток времени и главным образом в урбанизированных центрах. Результаты подобной модернизации есть «сжатые» или «сложные», которые Эрнест Блок назвал «одновременность (синхронность) неодновременности», разделяя местные и зарубежные элементы, с одной стороны, и традиционные и современные, с другой.

Развитие западноевропейских стран в течение длительного времени шло под воздействием эндогенных факторов сравнительно медленными темпами. При включении в процесс развития внешних вызовов, экзогенных факторов в Юго-Восточном регионе он стал происходить достаточно быстро при сохранении самоидентификации.

Когда выяснилось, что Япония не была одинока в своей уникальности, в кон. 70-х гг. XX в. была концептуализирована Восточно-азиатская модель (ВАМ) модернизации. Кроме Японии, эксперты в рамках данной модели выделяют еще три эшелона: второй эшелон – Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг; третий эшелон – Малайзия, Таиланд; четвертый эшелон – Китай. Особенности данной модели состоят в следующих тенденциях: 1) правительства играли особую роль в планировании стратегии на основе теории экономического роста, предусматривающей высокий уровень накоплений и сбережений и инвестиций; 2) в процессе модернизации главенствующую роль занимали органы, дирижирующие «чудо» – министерства и ведомства (Япония), агентства (Китай), советы по планированию и развитию (Корея), занимающиеся тщательным планированием, стратегией выращивания отдельных предприятий и стратегических областей; 3) обеспечение процесса политической модернизации проводила компетентная бюрократия с минимальной степенью коррупции; 4) авторитарные политические режимы [2–4].

Китайская народная республика за последние тридцать лет продемонстрировала такие высокие темпы экономического роста, что многие исследователи склонны говорить о «китайском экономическом чуде» или об особой уникальной модели «китайской модернизации». Государство сумело использовать свой исторический шанс, и во времена кризиса продемонстрировало динамизм экономики, усилило адаптацию к мировым тенденциям, используя уроки скоростного экономического роста. Гигантская крестьянская, недоиндустриализованная страна нашла в себе силу и мудрость совершить гигантский скачок в развитии, стартовавшего с реформ Дэн Сяопина, став сегодня второй экономикой мира [14].

Китайскую модель модернизации характеризуют достаточно удачные пропорции между отдельными компонентами: экономическими, политическими, идеологическими, которые сформированы преимущественно целенаправленной структурной политикой и стратегией [15]. Следует особо отметить явные успехи китайского руководства в деле борьбы с коррупцией, особенно в высших эшелонах власти [6].

В развитии Китая XX в. можно выделить несколько стратегических констант. Во-первых – экономический рост и «совокупная мощь государства», во-вторых – особый механизм социального регулирования, удовлетворяющий комплексу социально-исторических условий: социокультурной традиции и динамично развивающейся социально-экономической среде. Этим механизмом стала европейская социалистическая мысль, осуществившая синтез социокультурных традиций и промышленного производства и СССР, нашедшая практические формы его воплощения. Аккумулировав достижения индустриального развития, миссия социализма состояла в улучшении капитализма за счет перенесения в него нравственного потенциала традиционного общества. Социалистическая модель мобильность стала локомотивом, перевозящем традиции и современность [8, с. 21].

Об универсальном характере основных закономерностей развития китайского общества писал еще в начале 1940-х гг. Мао Цзэдун в своей теории «новой демократии» (или, точнее, «новодемократизма»). Ее суть заключалась в развитии национального капитализма под контролем государства, представляющего интересы всех основных общественных классов и руководимого коалиционным правительством во главе с Коммунистической партией Китая. Теория «новой демократии» выдвигалась в качестве альтернативы и капитализму западного образца, и социализму советского образца, в силу их неосуществимости в условиях экономической и

культурной отсталости Китая. По определенным историческим причинам от этой теории пришлось вскоре постепенно отказаться, но многое в ней совпадает с содержанием политики реформ и открытости, проводившейся под руководством Дэн Сяопина в 1980–1990-е гг., который сделал основной акцент на самобытности китайской модели преобразований, предопределенных, прежде всего, «слабой экономической основой» и «большим населением при малом количестве пахотной земли» [16].

Китайская модель модернизации сложилась в условиях приспособления к экономической глобализации и она сама есть неотъемлемая часть механизма глобализации. При всем при этом, «китайское экономическое чудо» предусматривает использование «внутренних рычагов» модернизации:

- особую роль государства в обеспечении модернизации, предусматривающую стратегическое распределение финансовых ресурсов, экономический дирижизм, картелизацию (подобный режим может быть назван «государством развития»);

- в области системы собственности Китай не идет на приватизацию, создавая экономику третьего пути (70–80 % рабочих трудятся на предприятиях частного сектора, но общественная собственность остается в виде опорного скелета китайской экономики);

- в области распределения – создание высокоразвитой экономики посредством проведения промышленной политики – комплекса политических установок, направленных на защиту своей промышленности, развитие стратегических отраслей, преобразование экономической структуры в ответ или в связи с ожидаемыми внешними и внутренними изменениями;

- в сфере международной политики по отношению к глобализации [6]: проактивная, но независимая роль в мировых экономических процессах; развитие способности к управлению процессами (повышение качества управленческой элиты разного уровня и открытости идеям глобального характера); способность к адаптации и гибкость; идея мирного развития;

- в политической сфере Китай идет по пути так называемой политической стабильности: недопущение плюрализма и системы разделения властей с предпочтением разделения функций и допущения определенных течений в области идеологии при сохранении лидирующих позиций марксизма. КПК удалось сохранить легитимность своей власти в глазах общества [8, с. 24]. В 1980–1990-х гг. сложилась система передачи власти, обновления партийной элиты, а сама КПК получила возможность расширения социальной базы через продуманный отбор кадров.

Важнейшими составляющими политической модернизации КНР являются: постепенное повышение роли представительных органов и развитие института выборов, развитие ограниченного плюрализма, укрепление конституционализма и элементов правового государства и административная реформа. Развитие ограниченного плюрализма осуществлялось в рамках незыблемых принципов политического руководства [9, с. 15].

Китай создал продуманную систему ротации элиты, которую претворил в жизнь Дэн Сяопин. Суть ее состоит в необходимости решения проблемы мирной передачи власти в партии и государстве за счет своевременного ухода на пенсию ветеранов и замены их новыми поколениями руководителей. Китайские власти целеустремленно продвигаются с решением вопроса о формировании институтов правового государства, что связано с необходимостью создания благоприятных климата для зарубежных инвесторов и национального капитала [12, с. 73].

В Конституцию КНР были включены поправки о признании необходимости защиты прав человека, о необходимости для правящей партии действовать в рамках закона.

Развитие Китая дает пример того, что в рамках одной культурной традиции реализуются во многом противоположные модели политического процесса, которые протекали по схожим сценариям. Их инициатором выступал авторитарный режим, который стремился к экономическому развитию, отодвигая либерализацию и сопутствующие политические изменения на второй план. Однако, если правящая партия Тайваня, Гоминьдан, отказалась от политической монополии по достижению определенного уровня социально-экономического развития, в то время как Коммунистическая партия КНР сохраняет господствующее положение. Препятствуя развитию политического плюрализма в стране, она стремится расширить социальную базу и укрепить легитимность [9, с. 16].

По мнению Ченга, признание Китаем суверенитета Гонконга оказало влияние на китайскую модернизацию и помогло изменить китайское восприятие капитализма. Во-первых, по мнению исследователя, результатом обретения независимости в Китае стало легитимное восприятие колониальных институтов Гонконга, которые были представлены с политической легализацией гражданских свобод и верховенства закона, что также означало институциональный аспект суверенитета. Во-вторых, информационный поток из Гонконга в Китай отражал коммуникативную (в отличие от принудительной) природу суверенитета, в котором подчеркивается центральное положение Гонконга в информационном мире Китая [18, р. 98]. Дальней-

шая демократизация китайского авторитаризма через социальное взаимодействие сейчас находится вне контроля государства. Политические трансформации пытаются найти «луч надежды» в китайском авторитаризме и восстановить роль социально-культурных факторов в процессе демократизации [5].

Что касается социально-культурных факторов китайской модернизации, в том числе и в политической сфере, то важное значение по-прежнему придается конфуцианству, которое сейчас находится в процессе реставрации. Его историческая миссия – сохранить китайские национальные символы и содействовать модернизации Китая. Эти цели частично находятся в конфликте друг с другом. Для реализации первой цели необходимо подчеркнуть историческую преемственность и последовательность, пересмотреть и обосновать сохранение классических конфуцианских идей и ценностей, чтобы обеспечить духовную поддержку китайской культурной самобытности и социальной сплоченности. Что касается последней цели, необходимо по-новому интерпретировать некоторые части классической идеи и ценности и связать их с современными ценностями, такими как свобода, справедливость и демократия [19, p. 47].

В целом, по мнению экспертов, Китай представляет собой модель динамичной, стабильно развивающейся экономики, ориентированной на гармоничное развитие природы и социума, ведущий постоянный поиск баланса между городом и деревней, открытие страны внешнему миру, возможность сохранять автономию в глобализируемом мире, постепенное проведение реформ в политической сфере. Однако и для современного Китая характерен ряд социально-экономических и политических проблем [7]. Во-первых, сохраняется устойчивый контраст социальной структуры – большая разница в уровне доходов населения страны, огромное социальное расслоение, нарастающий разрыв в общем уровне развития и в уровне жизни между городом и деревней, между развитым приморским поясом и внутренними районами, бедность значительной части населения, коррупция, бюрократизм, размывание и подрыв традиционных идейных и моральных устоев. К этому добавляется критическое состояние окружающей среды и ресурсообеспечения (особенно нарастающий дефицит пахотной земли и пресной воды) [16].

Во-вторых, важной проблемой остается легитимация режима при сохранении политической стабильности и идеологическое обеспечение дальнейшего экономического роста. Вместе с тем от способности правящей партии обеспечивать приемлемый уровень экономического развития, необходимый для решения социальных проблем, напрямую зависит сохранение существующей политической системы и возможностей и механизмов перехода к мобилизационной экономике.

В-третьих, усиление внутренних территориальных вопросов, всплеск национализма и проведение «очаговой модернизации» в экономически отсталых районах.

В-четвертых, продвижение на мировые рынки товаров в условиях обострившейся в период мирового кризиса проблеме протекционизма.

Комплексное решение социально-экономических проблем только на основе постепенных преобразований представляет собой ценный опыт китайского пути модернизации. И хотя сегодня в Китае сохраняется монополия КПК на власть, но постоянно происходит постепенная демократизация как самой внутрипартийной жизни, так и представительных органов власти и механизмов административного управления.

Список литературы

1. Антонов М. От капитализма – к тоталитаризму: мир в XXI в. и судьбы России / М. Антонов. – М., 2009.
2. Вартумян А. А. Российский вариант модернизации и проблемы социальной трансформации общества / А. А. Вартумян // Национальные проекты и социальное образование: опыт и проблемы подготовки кадров для социальной сферы : мат-лы IV Всерос. соц.-педагогич. конгресса (6–7 июня 2006 г.). – М. : Изд-во РГСУ, 2006.
3. Вартумян А. А. Социально-политические аспекты модернизации на примере формирования / А. А. Вартумян // Модернизационные процессы в современной России: экономические, социальные и правовые аспекты : Всерос. науч. конф. (27–29 апреля 2012 г.). – Армавир, 2012.
4. Вартумян А. А. Традиции в политической модернизации концептуальные подходы и методологические основания / А. А. Вартумян // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 1.
5. Вартумян А. А. Мост между Западом и Востоком: специфика политических модернизационных процессов в постсоветских государствах Центральной Азии / А. А. Вартумян // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 237–243.
6. Вартумян А. А. Гражданское общество и СМИ в системе антикоррупционной политики современной России : мон. / А. А. Вартумян, П. Л. Карабущенко. – Пятигорск : Изд-во ПФ СКФУ, 2014. – 204 с.
7. Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А. В. Виноградов. – М. : НОФМО, 2008. – С. 334.

8. Виноградов А. В. Политическое обеспечение модернизации в Китае / А. В. Виноградов // Модернизация, авторитаризм и демократия : сб. мат-лов конф. ; отв. ред. Н. В. Загладин, В. И. Катагарова. – М. : ИМЭМО РАН, 2010. – С. 21.
9. Ивченко Б. В. Политические процессы в современном Китае: две модели развития (КНР и Тайвань) : автореф. канд. полит. наук / Б. В. Ивченко. – Воронеж, 2011. – 21 с.
10. Карнеев А. Н. «Подъем» Китая в зеркале концепций китайских политологов / А. Н. Карнеев // Политическая среда и инструменты модернизации: программа занятий и обсуждений XIV науч.-образов. форума по Междунар. отношениям. – Озеры, 2011.
11. Карнеев А. Н. Китай времен мирового кризиса / А. Н. Карнеев // Политика. – 2009. – № 3. – С. 23–29.
12. Никоновская Л. И. Модернизация России в контексте опыта модернизации Китая и «Южно-Азиатских тигров» / Л. И. Никоновская // Каспийский регион: экономика, политика, культура. – 2011. – № 2. – С. 72–82.
13. Погадаев В. Феномен личности Махатхира. Политический портрет / В. Погадаев. М. : Российская академия наук. – 2001. – № 5. – С. 12–109. – Сер. Азия и Африка сегодня.
14. Попов В. Победный оскал дракона / В. Попов // Эксперт. – 2009. – № 1.
15. Салицкий А. И. Китай: универсальная модель модернизации? / А. И. Салицкий // Современные проблемы развития : мат-лы теоретич. семинара в ИМЭМО РАН ; отв. ред. В. Г. Хорос. – М. : ИМЭМО РАН, 2011.
16. Смирнов Д. А. Истоки универсальности и специфичности / Д. А. Смирнов // Современные проблемы развития : мат-лы теоретич. семинара в ИМЭМО РАН ; отв. ред. В. Г. Хорос. – М. : ИМЭМО РАН, 2011.
17. Федотова В. Терроризм и глобализация / В. Федотова // Космополис. – 2003. – № 3 (5). – С. 92–97.
18. Chang K-S. South Korea under Compressed Modernity Familian Political Economy in Transition / K-S. Chang // Polits cheviert eljahres schrift. – 2012. – № 3. – pp. 97–108.
19. Ming C. Modernity and Confucian Political Philosophy in a Globalizing World / C. Ming // DIOGENES. – 2009. – № 2. – pp. 45–49.

References

1. Antonov M. *Ot kapitalizma – k totalitarizmu: mir v XXI veke i sudby Rossii*. M., 2009.
2. Vartumyan A. A. Rossiyskiy variant modernizatsii i problemy sotsialnoy transformatsii obshchestva. *Materialy IV Vserossiyskoy sotsialno-pedagogicheskogo kongressa «Natsionalnye proekty i sotsialnoe obrazovanie: opyt i problemy podgotovki kadrov dlya sotsialnoy sfery» (6–7 iyunya 2006 g.)*. M.: Izd-vo RGSU, 2006.
3. Vartumyan A. A. Sotsialno-politicheskie aspekty modernizatsii na primere formirovaniya. *Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya «Modernizatsionnye protsessy v sovremennoy Rossii: ekonomicheskie, sotsialnye i pravovye aspekty» (27–29 aprelya 2012 g.)*. Armavir, 2012.
4. Vartumyan A. A. Traditsii v politicheskoy modernizatsii kontseptualnye podkhody i metodologicheskie osnovaniya. *Vestnik Pyatigorskogo Gos-go lingv. univer-ta*. 2012, no. 1.
5. Vartumyan A. A. Most mezhdz Zapadom i Vostokom: spetsifika politicheskikh modernizatsionnykh protsessov v postsovetkikh gosudarstvakh Tsentralnoy Azii. *Vestnik Pyatigorskogo Gos-go lingv. univer-ta*. 2012, no. 4, pp. 237–243.
6. Vartumyan A. A., Karabushchenko P. L. *Grazhdanskoe obshchestvo i SMI v sisteme antikorrupsionnoy politiki sovremennoy Rossii*. Pyatigorsk: Izd. PF SKFU, 2014, 2014 p.
7. Vinogradov A. V. *Kitayskaya model modernizatsii. Poiski novoy identichnosti*. M.: NOFMO, 2008, p. 334.
8. Vinogradov A. V. Politicheskoe obespechenie modernizatsii v Kitae. *Modernizatsiya, avtoritarizm i demokratsiya: sbornik materialov konferentsii*; отв. ред. Н. В. Загладин, В. И. Катагарова. М.: ИМЭМО РАН, 2010, p. 21.
9. Ivchenko B. V. *Politicheskie protsessy v sovremennom Kitae: dve modeli razvitiya (KNR i Tayvan)*: avtoref. kand. polit. nauk. Voronezh, 2011, 21 p.
10. Karneev A. N. «Podem» Kitaya v zerkale kontseptsiy kitayskikh politologov. *Politicheskaya sreda i instrumenty modernizatsii: programma zanyatiy i obsuzhdeniy XIV nauchno-obrazovatel'nogo foruma po mezhdunarodnym otnosheniyam*. Ozery, 2011.
11. Karneev A. N. Kitay vremen mirovogo krizisa. *Politiya*. 2009, no. 3, pp. 23–29.
12. Nikonovskaya L. I. Modernizatsiya Rossii v kontekste opyta modernizatsii Kitaya i «Yuzhno-Aziatskikh tigrov». *Kaspiyskiy region: ekonomika, politika, kultura*. 2011, no. 2, pp. 72–82.
13. Pogadaev V. *Fenomen lichnosti Makhathkhira. Politicheskii portret. Ser. Aziya i Afrika segodnya*. M.: Rossiyskaya akademiya nauk. 2001, no. 5, pp. 12–109.
14. Popov V. Pobednyy oskal drakona. *Ekspert*. 2009, no. 1.
15. Salitskiy A. I. Kitay: universalnaya model modernizatsii? *Sovremennye problemy razvitiya: materialy teoreticheskogo seminar v IMEMO RAN*; отв. ред. V. G. Khoros. M.: IMEMO RAN, 2011.
16. Smirnov D. A. Istoki universalnosti i spetsifichnosti. *Sovremennye problemy razvitiya: materialy teoreticheskogo seminar v IMEMO RAN*; отв. ред. V. G. Khoros. M.: IMEMO RAN, 2011.
17. Fedotova V. Terrorizm i globalizatsiya. *Kosmopolis*. 2003, no. 3 (5), pp. 92–97.
18. Chang K-S. South Korea under Compressed Modernity Familian Political Economy in Transition. *Polits cheviert eljahres schrift*. 2012, no. 3, pp. 97–108.
19. Ming C. Modernity and Confucian Political Philosophy in a Globalizing World. *DIOGENES*. 2009, no. 2, pp. 45–49.